

Соперничество империалистических держав на Ближнем Востоке (октябрь 1936 — ноябрь 1937)

Советскими историками проделана большая работа по изучению международных отношений в предвоенные годы. Вместе с тем сравнительно малоизученным остался такой вопрос, как политика великих держав и межимпериалистические противоречия на Ближнем Востоке. В данной статье ставится задача показать политику империалистических держав на Ближнем Востоке и в бассейне Средиземного моря от образования оси Берлин—Рим до присоединения фашистской Италии к антикоминтерновскому пакту.

Создание 25 октября 1936 г. оси Берлин—Рим явилось важным этапом на пути к оформлению блока фашистских агрессоров¹. Гитлеровская Германия признала захват Эфиопии Италией, Средиземное море определялось сферой интересов Италии². После создания оси фашистская Италия активизировала свою политику в арабских странах. В октябре 1936 г. в Тетуане (Испанское Марокко) был созван панарабский конгресс, с помощью которого итальянские империалисты пытались утвердить свое влияние в арабском объединительном движении³. В Испанском Марокко фашистам удалось подкупом, посулами, а также жестоким террором перетянуть на свою сторону феодально-племенную верхушку, толкнувшую довольно значительные массы марокканцев к участию в позорной войне против Испанской Республики⁴. Для участия в интервенции в Испании итальянские фашисты использовали также колониальные войска из числа ливийских арабов⁵.

¹ См. подробнее: Смирнова Н. Д. Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936—1941). М., 1969.

² Филатов Г. С. Крах итальянского фашизма. М., 1973, с. 96.

³ Левин И. Подготовка войны на Арабском Востоке, М., 1937, с. 52.

⁴ Там же, с. 47.

⁵ ДВП СССР, т. 19, № 394, с. 628.

Признавая на словах Средиземноморье и Ближний Восток сферой интересов Италии, гитлеровцы вместе с тем продолжали создавать условия для проникновения германского империализма в эти районы. В целях установления воздушной линии из Германии через Стамбул и Тегеран в Кабул в июле-августе 1936 г. Турцию, Иран и Афганистан посетила германская воздушная миссия. Одновременно в Кабуле побывала и германская промышленная делегация⁶. Во второй половине 1936 г. возросла активность гитлеровцев в Иране. В июле 1936 г. в зарубежной печати появились сообщения о переговорах, которые велись между Ираном и Германией по различным экономическим вопросам. В частности, Германия пыталась получить концессию на добычу нефти на территории к востоку от Тегерана⁷. Иранское правительство даже допустило немцев к разведке нефти в Северном Иране⁸. Одновременно правительство Ирана прекратило переговоры с СССР об акционерном обществе по эксплуатации нефтяных месторождений в районе Кевир-Хуриана, начатые по инициативе иранского правительства⁹. Правительство СССР рассматривало позицию Ирана в вопросе предоставления фашистской Германии концессий вблизи советской границы как недружественный акт со стороны Ирана¹⁰. В беседе с министром иностранных дел Ирана Самии полпред СССР в Тегеране А. С. Черных обратил его внимание на колоссальный наплыв в Иран специалистов из фашистской Германии. «Эта страна,— подчеркнул А. С. Черных,— открыто готовится к войне и заявляет о своих широких агрессивных планах создания колониальной империи. Общеизвестны в этом смысле ее устремления — через Балканский полуостров на Ближний Восток»¹¹.

Стремясь завоевать симпатии молодежи в странах Ближнего Востока, гитлеровцы организовали в Берлине «Ассоциацию мусульманской молодежи», лидеры которой утверждали, что «принципы национал-социализма не противоречат исламу»¹².

Укрепление экономических и политических связей Англии с Турцией после конференции в Монтре вызвало беспокойство в Берлине. В середине ноября 1936 г. Турцию посетил президент рейхсбанка Германии Я. Шахт. Главная цель его визита состояла в том, чтобы уменьшить неблагоприятное для развития германо-турецких отношений воздействие англо-турецкого

⁶ ДВП СССР, т. 19, № 252, с. 406—407; PRO, FO 371/19 982, p. 343—344.

⁷ См.: ДВП СССР, т. 19, № 368, с. 581—582.

⁸ ДВП СССР, т. 19, № 353, с. 555.

⁹ См. подробнее: ДВП СССР, т. 19, с. 722, примеч. 12; № 19, с. 31.

¹⁰ ДВП СССР, т. 19, № 353, с. 555; № 368, с. 581—582.

¹¹ Там же, № 368, с. 583—585.

¹² Цит. по: Левин И. Подготовка войны на Арабском Востоке, с. 52.

сближения. Визит Шахта, однако, не принес Германии ожидаемого успеха. В 1936 г. турецкое правительство начало даже предпринимать попытки уменьшить германское экономическое влияние¹³.

Создание агрессивной оси Берлин—Рим обострило международную обстановку. Сплочение агрессоров представляло серьезную угрозу и для западных умиротворителей. Но они сделали лишь вывод о том, что для достижения «общего урегулирования» следует пойти по пути дальнейших уступок фашизму. 2 января 1937 г. итальянский министр иностранных дел Чиано и английский посол в Риме Дрэммонд заключили джентльменское соглашение, по которому Англия и Италия обязались уважать статус-кво в Средиземноморском бассейне. Итальянский официоз «Джорнале д'Италия» писал, что это соглашение является «признанием Великобританией новых имперских позиций Италии». Одновременно, стремясь развеять возможные подозрения союзника по оси, газета писала, что соглашение с Англией ничего не меняет в итало-германских отношениях и что «итало-германское сотрудничество остается позвоночным столбом внешней политики Италии»¹⁴. Точная характеристика соглашения между Англией и Италией содержалась в советской печати. «Правда» писала, что новое соглашение «не устраняет основных противоречий между двумя странами. Что касается международного значения этого соглашения, то можно сказать одно: оно не внушает больших надежд в качестве умиротворяющего фактора»¹⁵.

Сближение, которое наступило в англо-турецких отношениях после конференции в Монтре, ускорило оформление Ближневосточного пакта с участием Турции, Ирана, Ирака и Афганистана. Англия сама начала подталкивать турецкое правительство к тому, чтобы ускорить и завершить переговоры относительно создания пакта¹⁶. В апреле 1937 г. был продлен на два года англо-ирако-турецкий договор о дружбе 1926 г.¹⁷ Продление этого договора имело большое значение, так как после возникновения франко-турецкого конфликта из-за Александреттского санджака отношения Турции с арабскими странами ухудшились¹⁸. Такое положение не устраивало Англию, поскольку в планы британского империализма входило включение в дальнейшем в состав участников Ближневосточного пакта и других арабских стран, помимо Ирака. В частности, в

¹³ Живкова Л. Англо-турские отношения. 1933—1939. София, 1971, с. 89; PRO, FO 371/19 983, p. 212.

¹⁴ Цит. по: Известия, 1937, 4 янв.

¹⁵ Правда, 1937, 4 янв.

¹⁶ См.: Тарасов П. К. Саадабадский пакт.— В сб.: Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1968, с. 54—55.

¹⁷ PRO, FO 371/21 935. Turkey. Annual Report, 1937, N 83, p. 17.

¹⁸ См.: Тарасов П. К. Саадабадский пакт, с. 55—56.

английской печати весной 1937 г. обсуждался вопрос о присоединении к ближневосточной группировке Саудовской Аравии¹⁹. Английская дипломатия благожелательно отнеслась к подписанию в Анкаре 2 апреля 1937 г. турецко-египетского договора о вечной дружбе²⁰.

В июле 1937 г. был подписан договор об урегулировании ирано-иракских пограничных разногласий, который ликвидировал последнее препятствие на пути организаторов Ближневосточной Антанты. 8 июля 1937 г. в Саадабадском дворце в Тегеране министры иностранных дел Ирана, Турции, Ирака и Афганистана подписали договор, который получил название Саадабадский пакт. Одновременно был создан Совет Ближневосточной Антанты²¹. Участники нового пакта обязались «проводить политику абсолютного отказа от какого-либо вмешательства во внутренние дела друг друга», соблюдать неприкосновенность общих границ, консультироваться при международных конфликтах, затрагивающих их общие интересы²².

Решающую роль в сколачивании Ближневосточной Антанты сыграла английская дипломатия. Отмечая роль Англии в создании Саадабадского пакта, турецкий историк А. Ш. Эсмер пишет, что «без английской помощи подписание пакта было бы невозможным. Присоединение к пакту Ирака, страны с ограниченной независимостью, было связано только с согласием Англии»²³. Официальные круги Лондона стремились превратить Саадабадский пакт в орудие британской политики на Ближнем и Среднем Востоке²⁴. В англо-французской системе блоков и соглашений Саадабадский пакт играл на деле ту же самую роль, что Малая и Балканская Антанта. Созданный для укрепления английских позиций на Ближнем и Среднем Востоке, предназначенный стать проводником британского влияния в этом районе мира, Саадабадский пакт был направлен не только против национально-освободительного движения народов ближневосточных стран, но и против Советского Союза²⁵.

Державы оси Берлин—Рим понимали, что Саадабадский пакт в известной мере затрудняет их экспансию на Ближний Восток²⁶. Однако подписание Саадабадского пакта не вызвало открытых возражений со стороны фашистских правительств. Гитлеровцы надеялись использовать позднее Саадабадский

¹⁹ Great Britain and the East, 1937, N 1346, p. 346.

²⁰ PRO, FO 371/21 935. Turkey. Annual Report, 1937, N 73, p. 15.

²¹ См.: ДВП СССР, т. 20, № 84, с. 148; № 199, с. 309; № 223, с. 349—350; № 244, с. 382—383.

²² Тарасов П. К. Саадабадский пакт, с. 58—64.

²³ Esmer A. S. Siyasi tarih. 1919—1939. Ankara, 1953, s. 228.

²⁴ Новейшая история Турции. М., 1968, с. 160.

²⁵ Тарасов П. К. Саадабадский пакт, с. 67.

²⁶ Луцкий В. Провал фашистских планов в Африке и на Ближнем Востоке. Ташкент, 1943, с. 61.

пакт в своих агрессивных интересах. К тому же стремилась и фашистская Италия ²⁷.

Сближение с Англией, известное усиление германского влияния в Турции не могли не сказаться на турецко-советских отношениях. В июле 1937 г. с официальным визитом в Москву прибыли турецкий министр иностранных дел Р. Арас и министр внутренних дел Ш. Кая. Советское правительство стремилось в интересах мира укрепить сотрудничество с Турцией и привлечь ее к осуществлению политики коллективной безопасности. В официальном коммюнике о визите в СССР турецких министров отмечалось, что отношения дружбы между Турцией и Советским Союзом, «выдержавшие испытания всех фазисов международной жизни в течение столь длительного периода времени, с несомненностью доказали свою полную ценность для интересов обеих стран». Коммюнике подчеркивало, что «эти же интересы требуют сохранения в полном объеме существующих отношений и на будущее время в качестве неизменного прочного элемента внешней политики обоих государств» ²⁸.

В то же время от внимания Советского правительства не ускользнули новые акценты турецкой внешней политики. Арас, в частности, пытался удалить из проекта советско-турецкого коммюнике указание на появившиеся в международной жизни «агрессивные тенденции» и не скрывал своих опасений как-нибудь задеть такой констатацией Германию и Италию. Как отмечал нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов, Арас даже «не постеснялся открыто в первый раз вступить на путь защиты ревизионизма и развивать взгляды, которые Гитлер и Геббельс охотно сделали бы своими» ²⁹. Р. Арас и Ш. Кая пытались уверить советских руководителей, что Саадабадский пакт не направлен против СССР. Арас заявлял, что отношение Турции к СССР не изменилось и что она никогда не пойдет на ослабление советско-турецкой дружбы. Однако турецкий министр иностранных дел ограничился лишь словесными декларациями и отказался обсуждать вопрос об углублении советско-турецкого сотрудничества. ³⁰ Советское правительство дало ясно понять, что оно не заблуждается относительно действительных целей Саадабадского пакта и предупредило об опасных для Турции последствиях, которые может повлечь за

²⁷ Тарасов П. К. Саадабадский пакт, с. 63—64.

²⁸ Известия, 1937, 17 июля.

²⁹ ДВП СССР, т. 20, № 244, с. 383.

³⁰ Живкова Л. Англо-турските отношения, с. 95. Временный поверенный в делах Франции в Турции в мае 1937 г. сообщал на Кэ д'Орсэ, что турки демонстрируют нежелание «вступать в более определенные переговоры с Россией». — DDF, ser. 2, t. 5, N 454, p. 779.

собой подчинение турецкой внешней политики британскому влиянию³¹.

Несмотря на ухудшение франко-турецких отношений из-за Александреттского санджака, Франция, как и Англия, была заинтересована в сближении с Турцией, учитывая то огромное политическое и военно-стратегическое значение, которое имела позиция Турции для защиты французских владений в Средиземном море и на Ближнем Востоке³². В Париже понимали, что политика Турции в Александреттском вопросе исходит из того заключения, что территория санджака «должна рано или поздно стать турецкой провинцией»³³. Долгое время Франция не хотела уступать Турции Александреттский санджак, который занимал важное место в системе французских позиций на Ближнем Востоке³⁴. Однако гораздо большее значение в Париже придавали заключению франко-турецкого соглашения о военном сотрудничестве. В ноте генерального штаба французской армии от 7 мая 1937 г. относительно своевременности начала военных переговоров с турками указывалось: «Соглашение с Турцией в военной области весьма желательно ввиду заинтересованности Франции в том, чтобы использовать в случае конфликта (т. е. в случае возникновения войны с Германией и Италией. — В. К.) Проливы для того, чтобы обеспечить свои связи с СССР, Румынией и Польшей»³⁵. В ноте подчеркивалось, что соглашение с Турцией «освободило бы нас (Францию. — В. К.) от всех хлопот относительно успокоения Леванта и дало бы Англии серьезное успокоение относительно безопасности Суэцкого канала»³⁶.

Подобные планы франко-турецкого сотрудничества вызывали большую тревогу в Берлине. В мае 1937 г. германская пресса писала, что в ходе франко-турецких переговоров об Александреттском санджаке «Кэ д'Орсэ стремилось путем некоего торга привязать к ним проблемы общей политики, вернуть руководителей Анкары к коллективным методам и восстановить идею проекта Средиземноморского пакта, которую уже выдвигали в прошлом году, когда устанавливался новый

³¹ Zhivkova L. The imperialist contradictions between England and Germany in the Balkans on the eve of World War II.— *Etudes Historiques*, Sofia, 1970, v. 5, p. 534.

³² См.: ДВП СССР, т. 20, № 32, с. 65; № 38, с. 71. Полпред СССР во Франции В. П. Потемкин в беседе с французским премьер-министром Л. Блюмом 9 февраля 1937 г. передал ему, что Советское правительство «приветствовало бы заключение франко-турецкого пакта». — Там же, № 41, с. 76; с. 698, примеч. 22.

³³ DDF, ser. 2, t. 5, N 409, p. 692.

³⁴ См. подробнее: Тарасов П. К. Франко-турецкое соглашение об Александреттском санджаке и присоединение Турции к англо-французскому блоку. Канд. дис. Свердловск, 1963.

³⁵ DDF, ser. 2, t. 5, N 409, p. 692.

³⁶ Ibid., p. 693.

статус Дарданелл»³⁷. Гитлеровская Германия стремилась не допустить сотрудничества Турции на международной арене как с Советским Союзом, так и с западными державами. Исходя из расчета повлиять на внешнеполитическую линию турецкого правительства, немецкие газеты писали, что Турция, конечно, «не согласится войти в систему военных союзов, которые наложит бы на нее односторонние обязательства», и что «французская и турецкая точки зрения остаются весьма различными»³⁸. Временный поверенный в делах Франции в Германии в письме министру иностранных дел Дельбосу 12 мая 1937 г. отмечал: «Рейх, в сущности, не заблуждается в современных тенденциях политики Турции, которая лавирует между державами, чтобы вырвать то у одной, то у другой максимум выгод, но он поощряет те претензии, которые лучше всего могут служить его интересам, то есть такие, которые подвергают опасности посорить Анкару с Советским Союзом и с Францией»³⁹.

Через несколько дней после заключения джентльменского соглашения с Англией Муссолини нарушил его, отправив в Испанию еще 4 тыс. «добровольцев»⁴⁰. В марте 1937 г. Муссолини посетил Ливию, где выступил с речью, в которой он провозгласил себя «покровителем ислама»⁴¹. Комментируя выступление Муссолини, фашистская газета «Пополо д'Италия» писала: «Мусульманский мир всегда нуждался в едином вожде и покровителе... Оказавшийся вакантным после упразднения халифата пост покровителя ислама должен быть ныне занят дуче...»⁴². В интервью, данном арабским журналистам из Сирии, которые освещали его поездку по Ливии, Муссолини заявил: «...уважение Италии к независимости и целостности Сирии, как и всех других арабских стран, является абсолютным»⁴³. Таким образом, дуче стремился скрыть наличие агрессивных планов итальянского империализма в отношении арабских стран. Однако реальные факты свидетельствовали об обратном. К поездке Муссолини по Ливии было приурочено открытие трансливийской автострады, завершение строительства которой создавало для итальянского фашизма возможность развивать свою экспансию как в сторону французского Туниса, так и в сторону Египта и Суэцкого канала. Открытие автострады сопровождалось маневрами итальянского флота в Средиземном море⁴⁴. Ливия, Эфиопия, Испания были

³⁷ Ibid., N 423, p. 714.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Ibid., p. 715.

⁴⁰ Трухановский В. Г. Антони Иден. М., 1974, с. 137.

⁴¹ *Oriente Moderno*, 1937, N 4, p. 169; PRO, FO 371/20 787, p. 494.

⁴² *Il Popolo d'Italia*, 1937, 20 marzo.

⁴³ Цит. по: Левин И. Подготовка войны на Арабском Востоке, с. 4.

⁴⁴ Там же, с. 5.

звеньями одной цепи, этапами в борьбе за превращение Средиземного моря в «маре нострум» («наше море»), в итальянское озеро.

Пресса фашистской Германии заявляла, что в арабских странах «Муссолини удалось достигнуть того, чего не удалось ни Наполеону, ни Вильгельму II»⁴⁵. Германская печать подзадоривала Италию, советуя ей усилить еще больше свою деятельность в арабских странах. Французский поверенный в делах в Германии сообщал в Париж, что «англо-итальянское соперничество особенно привлекает внимание Берлина». Французский дипломат писал, что на Вильгельмштрассе «подчеркивают, что эта конкуренция распространяется на всю Переднюю Азию»⁴⁶. В то же время Германия стремилась «использовать ситуацию, чтобы продемонстрировать всему Ближнему Востоку свою полную незаинтересованность и противопоставить лояльность своей позиции амбициям других европейских держав»⁴⁷. Однако западные державы отлично представляли себе истинные намерения гитлеровского правительства. «Уже теперь ясно, — писал 12 мая 1937 г. французский поверенный в делах из Берлина, — что оно собирается искать на Ближнем Востоке твердую точку опоры для своей мировой политики»⁴⁸.

В мае 1937 г. Муссолини отметил «кардинальную перемену, происшедшую на стратегическом поле, предназначенном для нашей (итальянской. — В. К.) авиации. Центр тяжести переместился из долины По к Средиземному морю, Красному морю и Индийскому океану»⁴⁹. Весной 1937 г. по решению Большого фашистского совета было создано главное командование ливийской армии во главе с генерал-губернатором Ливии. Армия должна была состоять из двух стрелковых дивизий и многочисленных подсобных частей. Одновременно Италия занялась укреплением острова Пантеллерия, на котором по решению Большого фашистского совета в апреле 1937 г. началось строительство военно-воздушной базы. Эти решения отчетливо свидетельствовали о наличии в правящих кругах Италии плана использования Ливии в качестве плацдарма для наступления на Египет и Тунис. Вероятно, стремление итальянцев скрыть существование таких планов было одной из причин, вследствие которых итальянский министр иностранных дел Чиано в своем выступлении в мае 1937 г. заявил: «...завоевание Абиссинии открыло широкие перспективы перед Италией и вызывает необходимость в поддержании хороших отношений с арабскими народами внутри и вокруг итальянских владений... В арабских странах Средиземного и Красного морей Италия

⁴⁵ Цит. по: Левин И. Подготовка войны на Арабском Востоке, с. 7.

⁴⁶ DDF, ser. 2, t. 5, N 423, p. 715.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ DDF, ser. 2, t. 5, N 423, p. 716.

⁴⁹ The Times, 1937. 17. 5.

имеет искренних и ценных друзей, дружбу с которыми она хочет культивировать с величайшей заботой и которым она дала конкретное доказательство своей дружбы во время поездки дуче в Ливию»⁵⁰. Всю лживость утверждений Чiano о стремлении Италии к «дружбе» с арабами разоблачило жестокое подавление итальянскими и испанскими фашистами арабского восстания в Испанском Марокко и восстания марокканских войск в Гренаде в июле 1937 г.⁵¹

Фашистские державы не оставляли попыток добиться получения права на разведку и добычу нефти в странах Ближнего и Среднего Востока. В 1937 г. производство нефти в Иране составило 10 340 тыс. т, в Ираке — 4125 тыс. т и в странах Аравийского полуострова — 1060 тыс. т.⁵² В том же году германский посланник в Ираке и Саудовской Аравии Ф. Гробба, постоянным местом пребывания которого был Багдад, прибыл в Джидду и пытался получить от Ибн-Сауда концессию на разведку и добычу нефти для Германии. Однако Ибн-Сауд отклонил домогательства Гроббы и предпочел сохранить связи с американскими нефтяными компаниями⁵³.

Становившиеся все более явными агрессивные стремления фашистских держав в отношении Ближнего Востока заставляли правительства Англии и Франции принимать дальнейшие меры к укреплению своих позиций в этом районе. В мае 1937 г. английское правительство приняло решение о поставках вооружения армиям Египта и Ирака, так как существовала опасность, что в противном случае поставки вооружения в эти страны начнет осуществлять стремившаяся к этому Германия⁵⁴. В том же месяце был заключен ирако-сирийский договор о добрососедстве, была достигнута договоренность об установлении торговых отношений между двумя странами, однако они не получили должного развития. За спиной каждой из этих стран стояли соответственно Англия и Франция. Сложность развития ирако-сирийских отношений свидетельствовала о сохранении империалистических противоречий между Англией и Францией на Ближнем Востоке⁵⁵.

Активная антибританская пропаганда фашистской Италии в арабских странах неоднократно служила предметом тревожных запросов в английской палате общин. 28 июня 1937 г. министр иностранных дел Иден, отвечая на очередной запрос, заявил, что английское правительство выражает серьезное

⁵⁰ Цит. по: Левин И. Подготовка войны на Арабском Востоке, с. 31, 44.

⁵¹ Там же, с. 33, 37, 48.

⁵² World Petroleum, 1938, N 11, p. 57.

⁵³ Lenczowski G. The Middle East in World Affairs. N. Y., 1957, p. 439.

⁵⁴ The Ironside Diaries (1937—1940). L., 1963, p. 22.

⁵⁵ См.: Федченко А. Ф. Ирак в борьбе за независимость (1917—1969). М., 1970, с. 69.

недовольство антибританской пропагандой, проводимой Италией в Палестине и Аравии. «Английский посол в Риме по моим указаниям,— сказал Иден,— сделал несколько представлений по этому вопросу»⁵⁶. В июле 1937 г. Иден заявил, что Англия не допустит, чтобы какая-либо крупная держава обосновалась на восточном побережье Красного моря⁵⁷.

Арабским странам Ближнего Востока отводилось первостепенное место в средиземноморской стратегии английских военных кругов. Для того, чтобы «восстановить наши (т. е. британские.— В. К.) утраченные позиции в Средиземноморье, записал 13 июня 1937 г. в своем дневнике генерал Айронсайд, мы должны начать с восточной оконечности (Средиземного моря.— В. К.). Мы должны использовать Ирак и Палестину в качестве трамплина»⁵⁸.

В июле 1937 г. англичанами был опубликован доклад комиссии лорда Пила о политике в отношении Палестины. В ответ на план раздела Палестины, предлагавшийся в докладе комиссии, арабские народные массы возобновили вооруженную борьбу. Высший арабский комитет также занял антибританскую позицию. Английские мандатные власти усилили репрессии. Деятельность Высшего арабского комитета была запрещена, а многие члены его руководства отправлены в ссылку⁵⁹. Иерусалимский муфтий Амин аль-Хусейн, спасаясь от английских властей, в октябре 1937 г. бежал из Палестины в Сирию, откуда он продолжал руководить антибританскими выступлениями палестинских арабов⁶⁰. Доклад комиссии Пила вызвал негодование не только в Палестине, но и во всех арабских странах⁶¹. Премьер-министр Египта Наххас-паша, лидер партии египетской национальной буржуазии — Вафд, в беседе с английским послом М. Лэмпсоном 24 июля 1937 г. выразил уверенность, что предложения комиссии Пила «никогда не будут приемлемы для арабов», и заявил, что он как премьер-министр «не может хладнокровно смотреть на образование еврейского государства у границ Египта». «Да ведь евреи могут затем даже выдвинуть притязания на Синай!» — воскликнул Наххас-паша⁶². Египетский премьер-министр сказал, что, по его мнению, реальным и правильным решением было бы создание в Палестине независимого арабского государства, находящегося «в полном альянсе с Великобританией», в котором были бы гарантированы

⁵⁶ Правда, 1937, 30 июня. См. также: PRO, FO 371/20 786, p. 178.

⁵⁷ См.: Левин И. Подготовка войны на Арабском Востоке, с. 65.

⁵⁸ The Ironside Diaries, p. 24.

⁵⁹ Новейшая история арабских стран (1917—1966). М., 1968, с. 126—127.

⁶⁰ PRO, FO 371/21 839, p. 425; Steel I. Men behind the War. A "Who's Who" of Our Time. N. Y., 1943, p. 412—413.

⁶¹ Новейшая история арабских стран, с. 126.

⁶² The Killearn Diaries (1934—1946). L., 1972, p. 83—84.

права всех религиозных групп — евреев, мусульман, христиан и т. д. В ответ на это Лэмпсон заметил, что по условиям мандата в Палестине должен быть создан «еврейский национальный очаг»⁶³.

Политика правительства Наххаса в Египте перестала устраивать английские правящие круги. В конце 1937 г. его правительство было вынуждено уйти в отставку, уступив место реакционной клике во главе с Мухаммедом Махмуд-пашой. Примечательно, что Англия, использовав вафдистов для заключения союзного договора 1936 г., сделала все возможное, чтобы затем избавиться от них и поставить у власти в Египте людей, более преданных «британской короне»⁶⁴.

В августе 1937 г. английский империализм принял меры по укреплению своих пошатнувшихся позиций в Ираке, где после государственного переворота в октябре 1936 г. у власти находилось так называемое правительство «социальных реформ» во главе с Хикметом Сулейманом, но реальная власть находилась в руках начальника генерального штаба генерала Бакра Сидки. В состав нового правительства были включены три прогрессивных члена группы «Аль-Ахали» («Народ»), в организации которой приняли участие будущие деятели коммунистического движения, представители социалистических кругов и буржуазно-демократических течений. Внешнеполитическая часть программы правительства «социальных реформ» констатировала его намерение «укрепить дух сотрудничества с Англией» на основе англо-иракского договора 1930 г. Как раз при правительстве «социальных реформ» Ирак стал участником Саадабадского пакта. Тем не менее английские империалисты встретили приход к власти Хикмета Сулеймана и Бакра Сидки с нескрываемым раздражением. Они всеми средствами пытались дискредитировать правительство «социальных реформ», каждое мероприятие которого рассматривалось как «коммунистическое», хотя до сколько-нибудь серьезных антиимпериалистических и антифеодальных мер дело так и не дошло. Однако особую тревогу в Лондоне вызывали контакты генерала Бакра Сидки с послом Германии в Ираке Ф. Гроббой⁶⁵. Как раз в этот период правительство Ирака приступило к строительству оставшегося участка «Берлинско-Багдадской железной дороги». Внутренняя реакция и британская агентура, опасавшиеся усиления германских позиций в стране, воспользовались отходом генерала Бакра Сидки от демократической политики. 11 августа 1937 г. Бакр Сидки был убит в Мосуле при невыяс-

⁶³ Ibid., p. 84.

⁶⁴ Новейшая история арабских стран, с. 376.

⁶⁵ Генерал Бакр Сидки получил военное образование в Германии. См.: Луцкий В. Провал фашистских планов в Африке и на Ближнем Востоке, с. 52.

ненных обстоятельствах. Через несколько дней к власти в Ираке вернулись ставленники англичан⁶⁶.

Несмотря на заключение договоров с Сирией и Ливаном в 1936 г., французский империализм всеми силами стремился оттянуть предоставление независимости странам Леванта. Франция не хотела отказываться от этого важного политического и стратегического района на Арабском Востоке, «окна» в Азию, обеспечивавшего Францию, по выражению начальника французского генерального штаба генерала Гамелена, «право вмешательства» в дела этой части мира⁶⁷, важного источника экономического обогащения метрополии. В правящих кругах Франции сложились две точки зрения по вопросу о политике в отношении Леванта. Сторонники одной настойчиво требовали сохранения неизменности военно-политических позиций Франции на этом участке. Их поддерживали наиболее реакционные круги французского колониализма, в особенности разложившееся колониальное офицерство, привыкшее к «маленьким сражениям и большим маневрам, во время которых приобретает много галунов, звезд и боевых крестов. И Франция собирается отказаться от этих благословенных для служебного продвижения земель!»⁶⁸. Противники договоров утверждали, что их заключение «обращает в ничто усилия двадцати лет». Они заявляли, что христианские меньшинства, «покинутые» Францией, «тотчас начнут преследоваться», что «мусульмане рассорятся между собой», что уход Франции «будет сигналом не к независимости, а к другому иностранному подчинению», намекая в первую очередь на Англию — давнего империалистического соперника Франции на Ближнем Востоке⁶⁹. Генерал Катру выступил в «Тан» со статьей, где обосновывал эту точку зрения с позиций военной науки: «Нужды войны требуют, чтобы в мирное время войска стояли как можно ближе к вероятным осям транспортировки. В Леванте основная ось транспортировки располагается во внутренней Сирии, в той самой стране, присутствию наших войск в которой противятся дамаскские националисты. Это железная дорога, которая.... соединяет Анатолию с Палестиной. Это инструмент для маневра во время войны, который французское командование должно иметь возможность использовать с первых часов конфликта»⁷⁰.

Сторонники договоров, также ни в коем случае не предусматривавшие уступок англичанам или другим империалистическим конкурентам, отмечали: «...ситуация по сравнению с

⁶⁶ О событиях в Ираке в 1936—1937 гг. см. подробнее: Федченко А. Ф. Ирак в борьбе за независимость, с. 64—68.

⁶⁷ Gamelin M. *Servir*. P., 1946, t. 2, p. 299.

⁶⁸ Fabre-Luce A. *Deuil au Levant*. P., 1950, p. 144.

⁶⁹ *Ibid.*, p. 142—143.

⁷⁰ *Ibid.*, p. 145.

началом мандата изменилась... мы не можем не считаться с прецедентом, созданным отменой английского мандата в Ираке, продление статус-кво будет благоприятствовать созданию Великой Сирии под английским влиянием и, таким образом, пробьет «похоронный звон» французскому влиянию на Востоке»⁷¹.

Несмотря на наличие серьезных франко-английских противоречий на Ближнем Востоке, ближневосточная политика Франции все более попадала под влияние Англии. На консультациях по вопросам политики в Леванте в 1937 г. начальник генерального штаба Гамелен отстаивал мысль, что англичане, союзники Франции, имеют на Ближнем Востоке интересы, бесспорно превосходящие французские, поэтому «предпринимать там что-либо следует только в согласии с ними»⁷².

Имелась и третья, наиболее полно отвечавшая как интересам народа Франции, так и интересам арабских народов, точка зрения на политику Франции в Леванте. Это точка зрения компартии Франции. Генеральный секретарь ФКП М. Торез говорил: «Мы остаемся твердыми сторонниками прямой независимости всех колониальных народов — безоговорочной, безусловной. Но мы рады как ради их интересов, так и ради наших, когда они сами всрят и чувствуют себя связанными с нашими судьбами»⁷³. Точка зрения французских коммунистов находила понимание в прогрессивных кругах арабского национально-освободительного движения, представители которых заявляли: «Мы искренно сочувствуем коммунистической партии, ибо она при всех обстоятельствах энергично и смело защищала угнетенные народы... Мы возлагаем все наше доверие на вашу партию в деле защиты наших интересов в парламенте. Нельзя допустить, чтобы мусульмане впали в отчаяние и потеряли доверие особенно в тот момент, когда Северная Африка является предметом вождения Гитлера и Муссолини, в момент, когда преступная фашистская пропаганда ведется свободно и интенсивно»⁷⁴.

Линия на сохранение и укрепление своих позиций на Ближнем Востоке и в Средиземноморье в политике правящих кругов Англии и Франции постоянно сочеталась с попытками сговориться как с Германией, так и с Италией и направить фашистскую агрессию на Восток, против СССР. В мае 1937 г. новым премьер-министром Англии стал Н. Чемберлен, бывший активным сторонником и проводником политики умиротворения. В качестве предварительного шага к общему урегулированию разногласий с Муссолини он готов был признать захват Италией Эфиопии. Гитлеру он готов был предложить уступки в

⁷¹ Ibid., p. 143.

⁷² Gamelin M. Servir, t. 2, p. 300.

⁷³ L'Humanite, 1937. 19. 3.

⁷⁴ L'Humanite, 1937. 23. 8.

вопросе о колониях⁷⁵. Представитель английских военных кругов генерал Айронсайд записал в своем дневнике 13 июня 1937 г.: «Соглашение с Италией должно прийти рано или поздно»⁷⁶. Однако осуществлению планов английских умиротворителей мешала слишком активная, на их взгляд, агрессивная политика итальянского фашизма в Средиземном море.

Летом 1937 г. обстановка в Средиземном море резко обострилась. Во время маневров в Сицилии в августе 1937 г. Муссолини заявил, что Сицилия является географическим центром новой Римской империи, недвусмысленно подтвердив тем самым притязания Италии на господство в Средиземном море. В своих комментариях по поводу маневров в Сицилии итальянские газеты с пафосом писали: «... в Сицилии высаживается Муссолини, доблестный помощник национальной Испании (т.е. испанских фашистов.— В. К.), верный друг Египта, покровитель арабских и берберийских народов». «Гадзета дель Пополо» в августе 1937 г. писала: «Инициатива в наших руках, наша сила находится... на средиземноморских берегах Европы и Африки. Мы во главе движения, ибо за нами находится Испания, за нами Египет, за нами весь арабский мир»⁷⁷. Пользуясь политикой невмешательства, проводившейся Англией, Францией и США, фашистские державы решили блокировать республиканскую Испанию с моря. Фашистские подводные лодки стали по-пиратски нападать на корабли, шедшие в испанские порты. Нападению «неизвестных» подводных лодок подвергались торговые корабли СССР, Англии, Франции, Греции, скандинавских и других стран. Ни для кого не было, однако, секретом, что эти «неизвестные» подводные лодки были итальянскими⁷⁸.

Действия итальянских фашистов в Средиземном море вызвали тревогу в руководящих кругах Турции. 17 августа 1937 г. Р. Арас сказал французскому послу в Анкаре, что «деятельность субмарин и авиации становится особенно опасной для мира» и что турецкое правительство рассматривает ее как «угрозу безопасности Восточного Средиземноморья»⁷⁹. А через несколько дней турецкий министр иностранных дел заявил послу Франции Понсо, что пиратские действия «неизвестных» подводных лодок в территориальных водах Турции — «благоприятный случай для возобновления в ближайшее время рассмотрения проекта Средиземноморского пакта»⁸⁰. Однако против

⁷⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1955, т. 1, с. 225.

⁷⁶ The Ironside Diaries, p. 25.

⁷⁷ Цит. по: Левин И. Подготовка войны на Арабском Востоке, с. 5, 30, 53.

⁷⁸ Сиполс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность (1933—1939). М., 1974, с. 128.

⁷⁹ DDF, ser. 2, t. 6, N 339, p. 600.

⁸⁰ Ibid., N 351, p. 618.

этого предложения немедленно выступила Англия. 2 сентября 1937 г. английский министр иностранных дел Иден заявил французскому поверенному в делах, что идея Средиземноморского пакта, по мнению правительства Англии, «не представляет неотложного интереса»⁸¹. В то же время действия пиратов на важнейших имперских коммуникациях Англии и Франции не могли не вызвать недовольства среди их правящих кругов. После того как «неизвестная» подводная лодка торпедировала английский эсминец «Хэвок» (31 августа), Англия — бывшая владычица морей — сочла невозможным терпеть далее подобное унижение. И когда в начале сентября французское правительство предложило созвать конференцию по борьбе с пиратством на Средиземном море, Англия поддержала эту инициативу.

Конференция состоялась в Нионе (Швейцария) с 10 по 14 сентября 1937 г. В ее работе приняли участие делегации СССР, Англии, Франции, Турции, Египта, Румынии, Болгарии, Греции и Югославии. Италия и Германия отказались участвовать в Нионской конференции. На конференции было решено уничтожать подводные лодки, которые попытаются нападать на торговые суда. Обеспечение безопасности судоходства на Средиземном море было возложено на английские и французские военно-морские силы⁸². Выступая на заключительном заседании конференции в Нионе, народный комиссар по иностранным делам СССР М. М. Литвинов заявил, что Нионское соглашение «является частично осуществлением идеи коллективной безопасности, а также идеи региональных соглашений»⁸³. Осуществление решений Нионской конференции сразу же привело почти к полному прекращению фашистского пиратства на Средиземном море. Успех Нионской конференции доказал возможность и эффективность коллективных мер борьбы против агрессии⁸⁴.

Осенью 1937 г. произошло дальнейшее усиление негативных тенденций в развитии международной обстановки. 5 ноября 1937 г. на совещании нацистских главарей Гитлер изложил программу борьбы за мировое господство, первым этапом которой должен был стать захват Австрии и Чехословакии, что значительно облегчило бы в дальнейшем противоборство как с Англией и Францией, так на заключительном этапе войны и с СССР⁸⁵. После захвата Австрии агрессия гитлеровской Германии могла устремиться не только на Восток, но и на Юго-

⁸¹ Ibid., N 384, p. 672.

⁸² См. подробнее: ДВП СССР, т. 20, № 322, 323, 326—335, 337, 346, 347.

⁸³ Внешняя политика СССР. Сб. док. М., 1946, т. 4, с. 298—299.

⁸⁴ Сиполс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность, с. 130.

⁸⁵ История второй мировой войны. М., 1974, т. 2, с. 76.

Восток, к Черноморским проливам, Средиземноморью и дальше, в район колониальных интересов английского и французского империализма. 6 ноября 1937 г. фашистская Италия присоединилась к антикоминтерновскому пакту. В сообщении французского посла в Ватикане от 10 ноября отмечалось, что это событие «усиливает недоверие относительно мирных намерений Муссолини»⁸⁶. 3 ноября 1937 г. в Париже состоялось заседание постоянного комитета национальной обороны Франции. Выступая на нем, военный министр Даладье особо выделил опасность соединения германской и итальянской агрессии в районе Ближнего Востока и Северной Африки, что могло повлечь за собой конфликт, в котором «Средиземноморье станет преобладающим полем действий». «То, что было до сих пор возможным вариантом,— предупредил Даладье,— рискует стать существом дела»⁸⁷.

Стремясь отвести угрозу германской агрессии от своих имперских позиций, правящие круги Англии и Франции предпринимают все более откровенные попытки прямого сговора с фашистскими государствами. Наибольшую активность проявляла английская дипломатия. 19 ноября 1937 г. в Оберзальцберге состоялась встреча члена британского кабинета лорда Галифакса с Гитлером. Назвав Германию «бастионом Запада против большевизма», Галифакс сообщил о желании своего правительства достигнуть «лучшего взаимопонимания» с Германией и дал, в частности, понять, что Лондон готов пойти на уступки в австрийском, чехословацком и данцигском вопросах⁸⁸. Как отмечается в «Истории второй мировой войны», в это же время «происходила быстрая смена курса и во французской политике: от союза с СССР и коллективной безопасности к тайному сговору с гитлеровцами и предоставлению им «свободы действий» на Востоке»⁸⁹.

Таким образом, анализ политики империалистических держав на Ближнем Востоке и в Средиземноморском бассейне в рассматриваемый период позволяет сделать вывод о том, что после образования агрессивной оси Берлин — Рим политика фашистских держав в отношении Ближнего Востока и Средиземноморья стала создавать растущую угрозу колониальным владениям и позициям Англии и Франции в этих районах. В свою очередь западные державы, проводя линию на сохранение и укрепление своих средиземноморских и ближневосточных позиций, стремились сочетать ее с попытками добиться сговора как с Германией, так и с Италией и направить фашистскую агрессию на Восток, против СССР.

⁸⁶ DDF, ser. 2, t. 7, N 216, p. 387.

⁸⁷ Ibid., N 223, p. 406—407.

⁸⁸ Документы и материалы кануна второй мировой войны. М., 1948, т. 1, с. 10—48.

⁸⁹ История второй мировой войны, т. 2, с. 77.